

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.38>

Прохорова Анастасия Евгеньевна

НЕКОТОРЫЕ ВЕРБАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЗНАНИЕ АДРЕСАТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ, ФРАНЦУЗСКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ)

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме влияния представителей власти на сознание аудитории посредством прессы. Особое внимание уделено проблеме детерминации содержания понятия "дискурс" на междисциплинарном уровне: с позиции лингвистики, психолингвистики, психологии. Целью данной статьи является рассмотрение некоторых лингвистических способов и языковых средств воздействия на реципиента, характерных для русской, французской и англоязычной периодики. Использование примеров из разных языков наглядно свидетельствует о факте общности типов языковых средств, используемых для реализации функции воздействия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 1. С. 164-167. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8; 81:22

Дата поступления рукописи: 24.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.38>

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме влияния представителей власти на сознание аудитории посредством прессы. Особое внимание уделено проблеме детерминации содержания понятия «дискурс» на междисциплинарном уровне: с позиции лингвистики, психолингвистики, психологии. Целью данной статьи является рассмотрение некоторых лингвистических способов и языковых средств воздействия на реципиента, характерных для русской, французской и англоязычной периодики. Использование примеров из разных языков наглядно свидетельствует о факте общности типов языковых средств, используемых для реализации функции воздействия.

Ключевые слова и фразы: речь; речевая деятельность; вербализованная речемыслительная деятельность; дискурс; политический дискурс; политическая коммуникация; убеждение; манипулятивное воздействие; аргументация.

Прохорова Анастасия Евгеньевна

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва

anasta.prox@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ВЕРБАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЗНАНИЕ АДРЕСАТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ, ФРАНЦУЗСКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ)

В современном мире с развитием информационных технологий, с одной стороны, и дестабилизацией международной безопасности – с другой, возрастает актуальность изучения лингвистических способов воздействия как для теоретического исследования гуманитарных наук (таких, как лингвистика, журналистика, психология, психолингвистика, политология, социолингвистика и др.), так и для тех сфер деятельности, решение профессиональных задач которых напрямую зависит от эффективности применяемых вербальных стратегий с целью изменения массового сознания (как, например, PR, создание имиджа политического деятеля, формирование общественного мнения по отношению к актуальным событиям и т.д.). Особенно важное значение исследование лингвистических способов влияния на массовое сознание приобретает в политической деятельности, так как эффективность решения её задач обуславливает необходимость изучения лингвистических способов воздействия, применяемых, в первую очередь, в политическом дискурсе и в стратегии ведения политической полемики, определяя, таким образом, предмет и цель данной статьи.

Несмотря на широкое и детальное исследование дискурса, в том числе и лингвистическое (Н. Д. Арутюнова [7], В. В. Красных [6], Т. Б. Рябова [11], Е. В. Сидоров [13], Е. И. Шейгал [16] и др.), выявить единое определение данного явления не представляется возможным.

В большинстве работ дискурс трактуется одновременно с позиции психолингвистики, с опорой на категории понятия «речевая деятельность», и с позиции лингвистики, как вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими планами [8]. Основаниями данного определения послужили как характеристики речевой деятельности, так и характеристики речевого высказывания, то есть продуктов таких видов речевой деятельности, как говорение и письмо.

В трактовке Н. Д. Арутюновой, дискурс – это «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [7, с. 136], то есть он приравнивается к речевому процессу, лишаясь, таким образом, даже характеристик речевой деятельности.

Проведённый анализ свидетельствует об отсутствии единого подхода к детерминации явления «дискурс» ввиду отсутствия показателей, необходимых для его дифференциации.

Соответственно, понятие «политический дискурс» также не получило единого терминологического содержания и характеризуется исследователями с позиции различных оснований.

По мнению А. Н. Баранова, политический дискурс являет собой «совокупность всех речевых актов в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, которые оформились в соответствии с существующими традициями и получили проверку опытом» [1, с. 6]. Е. И. Шейгал вычленяет критерии *субъект, адресат, содержание речевого произведения сферы политики* в качестве показателей принадлежности текста к политическому дискурсу [16]. На основании таких показателей политический дискурс представляется в категориях дискурса власти, контрдискурсии (столкновение дискурсов оппонентов), публичной риторики, закрепляющих сложившуюся систему общественных отношений либо дестабилизирующих её.

Таким образом, недетерминированность понятия «политический дискурс» препятствует анализу его лингвистических составляющих. Однако большинство исследователей разделяет трактовку Т. А. ван Дейка, согласно которой понятие «политический дискурс» включает в себя всю совокупность текстов, реализованных в форме правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков и т.д., объединяемых по показателю, в качестве которого принимается институциональный характер текстов сферы

политической деятельности [3]. В то же время политический дискурс приравнивается к понятию «политическая коммуникация», которое получило более чёткую дифференциацию по показателю функциональной направленности.

Как отмечает А. П. Чудиновым, политическая коммуникация имеет своей целью отражать политическую реальность и выступать одним из её преобразующих звеньев, а основной её функцией выступают прямое и косвенное влияние на распределение власти (посредством выборов, назначений, создания общественного мнения) и её использование (принятие законов, издание указов, постановлений и т.д.) [15].

В соответствии с такой трактовкой одной из основных характеристик политической коммуникации (политического дискурса) с позиции лингвистики является реализация функции воздействия, которое, в свою очередь, подразделяется большинством исследователей на два типа: манипулятивное и логически-эмоциональное [5].

Манипулятивное воздействие является в настоящее время объектом многочисленных психологических и лингвистических исследований, в результате которых были выявлены, в частности, языковые показатели манипуляции общественным сознанием в политическом дискурсе:

1) воздействие на общественное (групповое) сознание с целью его изменения и, как следствие, изменение поведения объекта воздействия. Информация всегда является предметом манипуляции автора текста, по существу, утрачивая качество информативности;

2) наличие скрытых целей и источников сообщения;

3) репрезентативность понятий, соотносимых с национальными категориями языковой общности, так называемыми «ментальными “картинками”, призванными вызывать прогнозируемые эмоции», разрушение стереотипного представления [2];

4) соблюдение стилистических норм, осуществляемое для реализации воздействия с целью манипулирования путём сознательного использования в публичной речи, предполагающей официально-деловой стиль, стиль публичного выступления посредством определённых тропов и фигур.

Как отмечается рядом исследователей, в частности Е. И. Шейгал [16], политический дискурс реализуется в основном путём логически-эмоционального воздействия, а под задачей убеждения понимается воздействие на подсознание и сознание оппонента вербальными и невербальными способами с целью изменения его позиции. При этом вербальный способ признаётся большинством исследователей в качестве основного.

Как отмечается в исследованиях ряда ученых, основным способом убеждения является аргументация. Жилье Готье говорит, что аргументация как основной способ политической полемики характеризуется следующими типами: логическим, обстоятельством и личностным [17]. В то же время наряду с аргументацией в качестве способа убеждения, как считает Т. В. Сахнова, может выступать ложный аргумент, который по ряду показателей сближается с воздействием посредством манипуляции. «С психологической стороны ложь – это сознательное создание ложного представления о тех или иных обстоятельствах действительности в сознании другого объекта» [12, с. 80].

Логически-эмоциональное воздействие составляет также один из способов убеждения как одного из компонентов политического дискурса при воздействии на адресата, поскольку, как отмечается Ричардом Шафрански, разработчиком концепции информационной войны для ВВС США, «информационным оружием являются любые средства, сознательно используемые для воздействия на разум противника с минимальной физической силой и таким образом, чтобы иметь высокую вероятность заставить противника выполнить наше желание» [20].

Таким образом, убеждение как способ воздействия на психические процессы оппонента (противника), осуществляемый языковыми способами, выступает в качестве основной характеристики политической коммуникации. Иными словами, объекту воздействия навязывается конкретное мировоззрение, и, таким образом, осуществляется сознательное для него изменение картины мира, что и составляет скрытую цель воздействия на сознание противника для достижения информационного превосходства в интересах национальной стратегии. Следовательно, манипулятивное воздействие представляет собой одну из основных характеристик политической коммуникации.

Проведённый анализ материала открытых источников позволяет вычлнить следующие вербальные способы воздействия в политическом дискурсе, в том случае, когда реализуется функция убеждения:

1) прямая декларация:

...we have to be very firm and strong about the sanctions and say to Vladimir Putin: “What **you** are doing is unacceptable and it will have economic and financial consequences for many years to come if **you** do not desist with **your** behaviour” [19]. / ...мы должны быть очень сильными и стойкими в отношении санкций и сказать Владимиру Путину: «То, что **Вы** делаете, недопустимо и повлечёт за собой многолетние экономические и финансовые последствия, если **Вы** не пересмотрите свою тактику» (здесь и далее перевод автора статьи. – А. П.);

2) ссылка на авторитетных лиц:

“Russia a threat to Baltic states after Ukraine conflict” warns Michael Fallon [Ibidem]. / «Россия – угроза для балтийских стран после конфликта на Украине», – предостерегает Майкл Фэллон (Майкл Фэллон, министр обороны Великобритании, для граждан США и Великобритании представляет непререкаемый авторитет. – А. П.);

3) прямые номинации на сильную позицию и/или слабые стороны противника:

Russia a threat to Baltic states after Ukraine conflict [Ibidem]. / Россия – угроза для балтийских стран после конфликта на Украине;

4) повтор с целью подчеркнуть ту основную мысль, которую пытается донести до сознания адресата говорящий:

“Those Russian-backed rebels in eastern Ukraine, they are using Russian rocket launchers, Russian tanks, Russian artillery, you can't buy this equipment on eBay, it hasn't come from somewhere else, it's come from Russia and we know that”, he said [Ibidem]. / «Поддерживаемые Россией на востоке Украины боевики используют российские противотанковые установки, российские танки, российскую артиллерию; такое оборудование не купишь на eBay, оно пришло не иначе, как из России, и мы это знаем», – заявил он (Кэмерон. – А. П.);

5) прямые императивы и/или средства модальности, выражающие долженствования (см. пример к п. 6);

6) а также использование местоимения «мы» и притяжательного местоимения «наш» с целью подчеркнуть единство позиций говорящего и адресата по отношению к предмету высказывания и, таким образом, идентифицировать «своих» и «чужих»:

...we have to be very firm and strong about the sanctions and say to Vladimir Putin: “What you are doing is unacceptable and it will have economic and financial consequences for many years to come if you do not desist with your behaviour” [Ibidem]. / ...мы должны быть очень сильными и стойкими в отношении санкций и сказать Владимиру Путину: «То, что **Вы** делаете, недопустимо и повлечёт за собой многолетние экономические и финансовые последствия, если **Вы** не пересмотрите свою тактику»;

7) использование цитат для подчёркивания фактов, в которых говорящий хочет убедить адресата и в то же время подчеркнуть, что не он является инициатором (автором) данных идей:

Путин о запрете мельдония: «He надо продвигать теорию заговора» [10].

Жители Латакии – корреспонденту «КП»: «Россияне проявили себя как настоящие братья» [4].

Как показали результаты данного исследования, вербальными способами воздействия в политическом дискурсе выступают языковые средства, имеющие эмоционально окрашенное значение, а также те языковые средства и речевые механизмы (система организации языковых единиц автором высказывания), на которых основаны стилистические приёмы. Эти средства используются в тех случаях, когда убеждение, являясь основной функцией, предполагает также воздействие на эмоционально-чувственную сферу адресата.

Эмоция – категория психологическая, но, как пишет М. Р. Нашхоева, выражается, как правило, в речевой деятельности посредством языка, который, в свою очередь, как совокупность языковых и параязыковых явлений, представляет собой основной вид знаковой системы. На уровне категории языка эмоция переходит в эмотивность, так как эмоции могут передаваться в языке и языком. В эмотиологии выражение эмоций трактуется как речевое проявление тех или иных чувств посредством определённых единиц – эмотивов [8], которые образуются от имен существительных, имен прилагательных, глаголов, наречий, частиц, звукоподражательных слов, устойчивых сочетаний. Слова в качестве эмотивов могут иметь исходный смысл [9].

С помощью словесных средств можно описать эмоции, создать некий образ. Для политического дискурса характерны такие эмоционально-образные средства, как:

1) использование лексических единиц, как правило, существительных и/или номинативных групп одного лексического поля, отличающихся степенью выраженности описываемого чувства. В основном этот лингвистический способ используется для создания какого-либо конкретного образа, вызывающего в сознании адресата требуемую (необходимую) говорящему ассоциацию. Например: *угроза – предупреждение – дестабилизация – обеспокоенный – нападение – напряжение – тайная кампания – неприемлемое поведение*, из которых вычлениются единицы военной сферы с целью создания образа атмосферы напряжения: *угроза – предупреждение – дестабилизация – нападение – тайная кампания – вторжение*;

2) использование метафор:

L'évolution en Ukraine, le jeu trouble des États-Unis et de certains États européens leur ont donné à penser que cet accord pouvait être rompu du jour au lendemain. Ils ont donc préféré se servir avant d'être éventuellement mis à la porte [18]. / Ход событий на Украине, нечистая игра Соединённых Штатов и некоторых европейских стран навели их на мысль, что это соглашение может быть в одночасье разорвано;

3) использование сравнений:

Libye, Syrie, Ukraine: le Waterloo de la diplomatie française [Ibidem]. / Ливия, Сирия, Украина: Ватерлоо французской дипломатии;

4) использование синонимичного ряда, включая квазисинонимы:

агрессия – атака, повстанец – боевик;

5) использование контекстных/контекстуальных антонимов для прямого противопоставления позиции говорящего позиции оппонента (предвыборная речь, противопоставление себя другим):

Барак Обама пообещал защитить три прибалтийских республики: «Однажды вы уже лишились независимости. С НАТО вы не потеряете её никогда» [14];

6) также лингвистическим способом воздействия в политическом дискурсе и в стратегии информационной войны является использование одновременно лингвистических средств рационального и эмоционально-логического воздействия, то есть приводится прямая номинация в ссылке на авторитетное лицо и используются коннотативные средства, выражающие его эмоции, чувства и т.д. по поводу той позиции, в которой нужно убедить адресата: *Fallon, who said he was worried about... Putin... could attempt a repeat of the covert campaign used in the Crimea and eastern Ukraine against other former Soviet bloc countries such as Latvia, Lithuania or Estonia* [19]. / Фэллон, заявивший, что он обеспокоен тем, что... Путин... может снова попытаться предпринять тайную кампанию, как в Крыму или на востоке Украины, в других странах, входивших в состав Советского Союза, таких как Латвия, Литва и Эстония.

Как свидетельствуют приведённые примеры, *вне зависимости от языка коммуникации*, реализация функции воздействия в политическом дискурсе и в политической полемике осуществляется посредством следующих языковых средств и лингвистических способов: прямая декларация, ссылка на авторитет, прямая номинация, повтор, использование императива, модальных лексических единиц, местоимения «мы». Также могут использоваться лингвистические способы и языковые средства осуществления эмоционального воздействия: существительные и/или номинативные группы одного лексического поля, отличающиеся степенью выраженности эмоционального значения, метафоры, сравнения, синонимичный ряд, в том числе и квазисинонимы, антонимы (контекстные), лексические единицы со значением оценки.

Из вышеизложенного следует, что по показателям языковых, в частности, стилистических средств реализации функции воздействия тексты политического дискурса и политической полемики репрезентируют стратегии влияния на сознание и подсознание адресата.

Список источников

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 63 с.
2. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса [Электронный ресурс]. URL: http://old.brusov.am/docs/Unesco-Poghosyan/Yazik-SMI-disl-polit.htm#%D0%B7_18 (дата обращения: 11.02.2018).
3. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
4. Жители Латакии – корреспонденту «КП»: «Россияне проявили себя как настоящие братья» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/daily/26504/3373770/> (дата обращения: 24.01.2018).
5. Кинцель А. В. Психолингвистические механизмы речевого воздействия [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskie-mehanizmy-rechevogo-vozdeystviya> (дата обращения: 24.01.2018).
6. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: Гнозис, 2001. 270 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева; под ред. Н. Д. Арутюновой и др. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
8. Нашхоева М. Р. Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2011. Вып. № 1 (12). С. 95-96.
9. Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б. Грамматические средства выражения эмотивности в языке: монография / Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. 180 с.
10. Путин о запрете мельдония: «Не надо продвигать теорию заговора» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/online/news/2336159/> (дата обращения: 24.01.2018).
11. Рябова Т. Б. Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. VIII. Вып. 4 (32). С. 307-320.
12. Сахнова Т. В. Зачем суду психолог? М.: Знание, 1990. 96 с.
13. Сидоров Е. В. Онтология дискурса. М.: Либроком, 2009. 232 с.
14. США и НАТО вновь развёртывают силы на востоке Европы? [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160411/236086026.html> (дата обращения: 24.01.2018).
15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 254 с.
16. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2000. 175 с.
17. Gauthier G. L'Argumentation périphérique dans la communication politique [Электронный ресурс]. URL: http://documents.irevues.inist.fr/bitstream/handle/2042/15190/HERMES_1995_16_167.pdf?sequence=1 (дата обращения: 03.02.2018).
18. Libye, Syrie, Ukraine: le Waterloo de la diplomatie française [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lefigaro.fr/voix/politique/2015/10/30/31001-20151030ARTFIG00348-libye-syrie-ukraine-le-waterloo-de-la-diplomatie-francaise.php> (дата обращения: 24.01.2018).
19. Russia a threat to Baltic states after Ukraine conflict, warns Michael Fallon [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2015/feb/19/russia-a-threat-to-baltic-states-after-ukraine-conflict-warns-michael-fallon> (дата обращения: 11.02.2018).
20. Szafranski R. A Theory of Information Warfare [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iwar.org.uk/iwar/resources/airchronicles/szfran.htm> (дата обращения: 24.01.2018).

SOME LINGUISTIC WAYS AND VERBAL MEANS TO REALIZE THE FUNCTION OF INFLUENCING ADDRESSEE'S CONSCIOUSNESS IN THE POLITICAL DISCOURSE (BY THE MATERIAL OF THE RUSSIAN, FRENCH AND ENGLISH PRESS)

Prokhorova Anastasiya Evgen'evna

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow
anasta.prox@gmail.com

The article is devoted to the relevant nowadays problem of authorities' influence on audience consciousness by means of press. Special attention is paid to the problem of determining the content of the concept "discourse" at the interdisciplinary level: from the viewpoint of linguistics, psycholinguistics, and psychology. The study focuses on linguistic means to influence the recipient typical of the Russian, French and English periodicals. The examples from different languages clearly indicate the similarity of linguistic means used to realize the function of influence.

Key words and phrases: speech; speech activity; verbalized speech and cogitative activity; discourse; political discourse; political communication; persuasion; manipulative influence; argumentation.